СУДАКОВ Г. В.

ПРЕДМЕТНО-БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Термин «предметно-бытовая лексика» определяет соответствующий слой словаря с двух точек зрения: 1) по отношению к определенной сфере человеческой жизни и деятельности, а именно, к быту; 2) по отношению к другим группам лексики материальной культуры и быта, обозначающим не предметы, а действия, процессы, качества, состояния и т.п. Данная лексика относится к этнографическим названиям, «этнографизмы — это слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с особенностями быта, материальной и духовной культуры данного народа, народности или местности» [1], различаются общезыковые этнографизмы и этнографические диалектизмы. Иногда бытовую лексику сближают с народной терминологией, т. е. терминами различных ремесел и отдельных видов производственной деятельности сельского населения. Основанием для такого сближения служат однозначность части бытовых слов, связанность их с определенным ремеслом или хозяйственным процессом (винокурением, плетением корзин, портновским делом, сапожничеством, изготовлением деревянной посуды и т.п.), стилистическая нейтральность. Наблюдается в бытовой лексике и специализации значения слова, т. е. сужение его семантики, которое выражается в ограничении сочетаемости слова в определенном значении, а также в случаях переноса значения по общности признаков, когда исходное значение целиком включает в себя все признаки нового значения¹. Специальное значение часто становится основой для создания термина [3]. Однако можно говорить об известной терминологичности лишь отдельных групп предметно-бытовой лексики, в целом же она в отличие от терминов является принадлежностью речи всего коллектива, т. е. каждого человека, а не профессионально ограниченной группы лиц, относится постоянно к сфере быта, характеризуется наличием синонимов, многозначностью и диффузией семантики, жанрово-стилевым расслоением.

Семантические свойства конкретной лексики предметно-бытового характера изучены еще недостаточно [4, с. 81]. Например, Н. Д. Арутюнова отнеся конкретную лексику к идентифицирующим именам, выявила у последних 22 отличительных признака [5], но большая часть из них, по нашему мнению, относится к синтаксическим свойствам слов. Исследователи неоднократно отмечали, что в семантике конкретно-предметных существительных наблюдается самая тесная связь лексического значения слова с конкретными свойствами реалии [6, с. 53; 7—9], не случайно так популярна в диалектной и исторической лексикологии идея комплексного изучения слова, предмета и связанных с ними обрядов и поверий². В объем лексического значения конкретно-предметных слов входят в большей или меньшей степени два показателя конкретных свойств реалии: функция или назначение и особенности внешнего вида. Соединяет различать слова, обозначающие реалии со строго фиксированной функцией,

¹ Следует указать и на «встречные» качества народного термина, сближающие его с бытовым словом: он выполняет лишь номинативную функцию, часто представляет собою «не особое слово, а только слово в особом функци» [2], причем преимущественно слово бытового характера, имеет дублиты и варианты.

² См., например, предложенную Н. И. Толстым и С. М. Толстой программу развития этнолингвистики и создания этнолингвистического словаря славянских древностей [10].

и названия предметов многофункционального назначения. У первых в основе лексического значения лежит именно указание на функцию обозначаемого предмета, к таким словам (но не ко всем конкретно-предметным именам) относится следующее утверждение Д. Н. Шмелева: «...названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации... Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически» [11, с. 234—235]. Мотивирующим признаком подобных слов иногда является название содержимого (*перечница* «сосуд для молотого перца», *салонка* «небольшой сосуд для соли, подаваемый к столу»), процесса, выполняемого с помощью предмета (*рукомойник* «небольшой всячий сосуд для умывания»), указание на предназначенность для использования в определенных условиях (названия одежды *летник*, *голодник*) и т.п. У вторых в содержании лексического значения учтены одна или несколько особенностей внешнего вида реалей, это слова с комбинаторной семантикой [4, с. 8], к ним относятся, например, названия отдельных разновидностей предметов по особенностям внешнего вида: материалу, форме, окраске, характерным деталям и т.п. (см. старорусские названия разновидностей ковшей: *лебедь* «ковш в форме плавущей птицы», *кленовик* «ковш из древесины клена», *конюх* «ковш с ручкой в виде головы коня с изогнутой шеей», *скобкарь* «ковш с двумя ручками — скобками» и др.). Применительно к таким словам справедливо высказывание Б. А. Ларина о том, что «для некоторых идей и представлений, связанных со словами, зрительный образ вещи является их основным, бесспорным или даже единственным содержанием. Таковы, например, представления из области материальной культуры (об одежде, утвари, орудиях производства)» [6, с. 19]. Разумеется, не исключена возможность существования в языке и промежуточных, переходных случаев.

Конкретный референт и (или) его зрительный образ — основа семантики предметно-бытового слова. Особенно важно это учитывать при анализе казалось бы хорошо знакомых слов древнерусского или старорусского языка: реалья, ими обозначаемая, могла в старину иметь внешний облик, не совпадающий с современным представлением о предмете, и исследователя подстерегает опасность «осовременивания» значения слова, например, блюда до XVIII в. были чаще деревянными или глиняными, бритвы в допетровскую эпоху были только ручными и напоминали складной нож (см. археологические показания на этот счет [12] и рисунки упомянутых реалей в «Букваре» К. Истомина 1694 г.).

Следует отметить преимущественную моносемантическую предметных слов и слабую развитость синонимии, что усиливает их денотативную прикрепленность, отсюда предлагаемое для них Д. Н. Шмелевым условное название *денотативы* [11, с. 150]. При наличии у слова нескольких значений его денотативная прикрепленность слабеет. Такое слово легче вступает в связи с членами других лексико-семантических групп. Кроме того, в предметно-бытовой лексике в силу ее преимущественно разговорного характера развита диффузность или синкретизм значений³. Необходимо, видимо, различать два разных случая диффузности в семантике слова, особенно применительно к древнерусскому или диалектному материалу: а) объективная языковая диффузность, подтверждаемая регулярностью употребления слова в диффузном значении; б) контекстуальная, факультативная диффузность, обусловленная семантической неясностью или двусмысленностью контекста. Нечеткость смысловых границ предметно-бытовых слов с конкретным значением может быть обусловлена размытостью границ денотатов⁴. Здесь нет жесткой закрепленности сло-

³ О явлениях диффузности в лексической семантике см. [11, с. 95; 13]. О развитой диффузности в семантике слов разговорной сферы см. [14].

⁴ О размытости как общем свойстве денотативных границ см. в работе [15], посвященной описанию психодиагностического эксперимента с названиями разного рода сосудов для питья.

ва за реальной определенного типа. Можно говорить о существовании взаимозависимости между объединением функционально близких реальных и группой соответствующих им слов: почти все близкие по внешним признакам реалии могут быть названы почти всеми словами соответствующей лексической группы, т. е. почти каждой отдельной реалии сообщения может быть названа почти любым или во всяком случае несколькими словами из соответствующей лексической группы, например, *блюдо — тарелка — миска — ставец, ларец — скриня — коробка — шкатулка* и т. п. (имеется в виду общее употребление этих слов; в профессиональной речи работников общественного питания, конечно, различаются *блюдо* и *тарелка*). Именно об этом свидетельствуют факты называния одного и того же предмета несколькими семантически близкими словами, например: в прежних переписных книгах тот *сундучок* написан *скриня* с чепраками штитми (РИБ VIII, 965. 1690 г.); в прежних переписных книгах написана та *шкатулка скринка* подорожная, небольшая, с посудой оловяною столовою (там же, 1039. 1690 г.). Обычно подобные факты оцениваются как синонимия лексем, но, вероятно, данное явление требует иной квалификации.

Лексико-семантические связи предметных слов обусловлены в значительной степени реальными связями обозначаемых предметов, но значения этих слов, естественно, сохраняют свой лингвистический статус [11, с. 34, 104, 142]. Существует мнение, что между членами лексико-семантической парадигмы, состоящей из слов предметно-бытового характера, наблюдаются отношения свободной зависимости, или «относительной автономии» [11, с. 142], что «в большей части случаев обиходные слова образуют несимметричные и прерывистые парадигмы» [16], однако требует обсуждения вопрос о факторах, усиливающих или ослабляющих лексико-семантические связи в парадигмах, поскольку степень связанности слов в разных группах неодинакова. Малочисленные группы имеют более тесные семантические связи и более строгие отношения между членами, примером такого объединения является группа названий футляров в старорусском языке. Названия футляров, т. е. вместилищ, основной функцией которых является предохранение предмета от повреждений при перевозке и хранении, были образованы от глаголов, указывающих на процесс укрытия чего-либо (*влагалище* — от *влагати*), от существительных — названий укрываемых предметов (*игольник* — от *игольный, и.ла*), употреблялось и иноязычное заимствование *чехол*, не имеющее мотивации в русском языке. Наблюдения над текстами показывают, что наиболее широкую сферу употребления в языке донационального периода имело родовое название *влагалище* (с XII в. — Срезн. 1, с. 377), значение которого варьировалось в зависимости от семантико-стилистических качеств контекста: от общего «вместилище для временного хранения каких-либо предметов» до конкретных «сума», «ножны», «коробка» и т. п. (СлРЯ XI—XVII вв., 2, с. 206). Обобщенность семантики слова *влагалище*, не всегда преодолеваемая в конкретном контексте, была причиной появления сходных названий *лагалище* (с 1595 г.) и *нагалище* (с 1626 г.) с более определенными значениями «футляр», например: 20 очки с нагалищи, 20 портищ нашивок (Кн. там. Тихвин. мон. № 3, Зоб. 1626 г. — Карт. ДРС). *Лгалище* употреблялось редко, в XVIII в. на убыль идет и употребление слова *нагалище*, оно становится диалектизмом и обозначает чехлы для колющих и режущих орудий в сибирских и архангельских говорах (СРНГ 19, с. 194). Сужение и специализация значения характеризуют эволюцию слова *готовальня*, заимствованного из польского языка и семантически переосмысленного, ср. польск. *gotowalnia* «туалет с разными предметами» (ЭСРЯ 4, с. 151), в старорусском *готовальня* — «ящичек, футляр для разных предметов, туалетных принадлежностей или инструментов» (СлРЯ XI—XVII вв., 4, с. 109), известны также однокоренные образования *готоваленка* и *готовалка* с тем же значением. В языке XIX в. *готовальня* имеет значение «баул, сумка для карманных приборов, например, чертежная *готовальня*» (Даль I, с. 388), позднее закрепляется в значении «набор чертежных инструментов» (МАС² 1, с. 399). От наименований предметов, хранимых в

футлярах, возникли слова *ложичен* и *ложечник* (СлРЯ XI—XVII вв. 8, с. 229, 273). Однокоренные названия футляров для игл: *игольница* (с 1607 г.), *игольник* (с 1641 г.), *наигольник* (с 1647 г.) и *игольня* (с 1677 г. —) — были распределены территориально: *игольница* — западное и северо-западное, *игольня* — смоленское, *наигольник* — сибирское, *игольник* — общерусское⁵, см. примеры первых письменных фиксаций: игольница жило ноженца (Раз. Т. Фенне 1607 г., 104, Псков); сто игольников кожаных (Якутск. а., к. 4, № 5, 2. 1641г. — Карт. ДРС); 20 наигольников жестяных (Якутск. а., к. 7, № 10, 35. 1647 г. — Карт. ДРС); могилевской мешанин Семен Андреев явил... 14 иголов, 10 кушаков (Рус.-бел. связи, 198. 1677 г.). Из них лишь названия *игольник*, *игольница* дошли до наших дней (МАС² 2, с. 628). Во второй половине XVII в. значение «футляр из дерева или ткани» фиксируется у слова *чехол*: он сдѣлал к митрополитѣ к лучшей шапкѣ къ деревяному чохлу плащ с концом (Кн. расх. Никона, I, 1651 г.). В московских источниках обнаружены наименования *шапочник* «футляр для шапок» и *монастырек* «футляр для столовых приборов и гигиенических принадлежностей». Специализированное родовое название *футляр* появляется лишь в национальный период. Группа старорусских названий футляров имела все признаки системного лексико-семантического объединения: родо-видовую иерархию (предельно общее название *вагалище* — родовые слова *лагалище* и *нагалище* — видовые наименования *готовальня*, *ложечник*, *игольница*, *шапочник*, *монастырек*), синонимические связи (*лагалище* — *нагалище*, *игольник* — *игольница* — *игольня*), дифференцированные по отношению друг к другу значения, специфический для данной группы набор мотивировочных признаков и словообразовательных моделей и т. д.⁶

Каждая группа предметно-бытовой лексики имеет свой семантический центр («опорные слова» — по Ф. П. Филину): это наиболее употребительные лексемы, богатые производными. Часто роль центра выполняют гнезда однокоренных слов, особенно распространенные в названиях плетеных вместилищ (с корнем *короб-/краб-* в текстах XVI—XVII вв. выявлено около 20 слов: *короб*, *коробка*, *коробы*, *коробья*, *коробок*, *коробец*, *коробенка*, *коробочка*, *коробчик*, *коробочек*, *коробчишко*, *коробышко*, *коробейка*, *коробечка*, *коробейченко*, *крабийца*, *крабья*, *коробышка*), в названиях вместилищ из дерева и металла (с корнем *-голо-* обнаружено более 10 слов: *зголовашек*, *подголовашек*, *подголовашник*, *подголовник*, *подголовок*, *подголовочек*, *подголовченко*, *подголовчишко*, *приголовашек*, *приголовок*, *приголовашек*) и т. д. Большинство названий в каждой группе имело одинаковую цепочку семантической деривации, например, названия одежды: «материал» → «одежда» (*багрянница*, *рубище*, *пониток*), названия вместилищ: «материал», «способ изготовления» → «вместилище» → «мерный сосуд» → «мера» (*лубь*, *пошевь*), причем у некоторых слов все эти значения могли быть представлены одновременно, с недостаточной дифференциацией, поэтому в бытовом словаре постоянно идет активный процесс дифференциации и спецификации семантики слов, ср.: в XVI в. *мешок* обозначало «большое по объему вместилище из кожи, ткани, рожи», *рогожа* — «рогожное полотно; вместилище из рожи»; в XVII — XVIII вв. *мешок* имеет значение «большое вместилище из холста»; *рогожа* — «плетеное из мочала полотно», *куль* — «вместилище из рожи».

Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор. В названиях мужской верхней одежды, где были элементы разного происхождения (ср.: *кафтан*, *армяк*, *абаб*, *чекмень*, *азям* — тюркские слова, *жупан* — арабизм, усвоенный из французского через западнославянское посредство, *кабат* — иранское, усвоенное через польское посредство, *бешмет* — татарское, *терлик*, *халат* — турецкое, *камзол* — из итальянского через немецкий, *мантель* и *важ* — из немецкого, *ливеря* — из французского, *вотомы* и *плащ* — исконные

⁵ См. описание старорусских футляров для игл, найденных при археологических раскопках на русском Севере, в кн. [17].

⁶ См. также описания названий кухонной посуды, вместилищ индивидуального пользования для денег и ценных бумаг в работах [18, 19].

образования и т.д.), отсутствуют семантические связи, охватывающие все слова этой группы. Наоборот, названия рукавиц, возникшие в основном на русской почве (*рукавица, перстица, голица, верзница, деяница, шубница, вязеница, водяница, плетеница, надолонка, дубленка, кожница, исподка* и др.) отличаются значительной семантической организованностью, имеют одинаковую лексическую сочетаемость, проходят одинаковый путь семантической эволюции, составляют свои синонимические ряды и даже антонимические пары типа *верзница* «вердная рукавица» — *исподка* «нижняя рукавица», что редко встречается в группах предметных слов⁷.

Указанные признаки далеко не исчерпывают сложную семантику анализируемой лексики. Дальнейшее изучение семантических особенностей предметно-бытовых слов могло бы идти как традиционным путем описания отдельных групп в синхронном и диахронном плане, так и с помощью сравнительно-сопоставительного анализа двух или более лексико-семантических и тематических групп с учетом следующих критериев: степень аналитичности (число мотивированных и немотивированных слов), соотношение родовых и видовых слов, способность к номенклатурному дроблению, степень синонимичности (отдельно — для родовых и видовых слов), контекстуальная закреплённость значений и т. д.⁸ Эти критерии проверяются с помощью формальных операций и поддаются текстовому описанию. Оценим результаты их применения к старорусской предметно-бытовой лексике (материал извлечен из словарей, памятников письменности) [19, 22 и др.], приведенные в обобщающей таблице.

При вычислении процентного соотношения среди мотивированных названий не учитывались деминутивы, с учетом их число мотивированных названий заметно возрастет. Среди родовых названий есть такие, которые в отдельных значениях имеют видовой характер, они учитывались дважды: как родовые и как видовые.

Анализ показывает значительное преобладание в составе старорусской предметно-бытовой лексики мотивированных названий исконного, т. е. славянского и русского, происхождения. Исключения составляют названия верхней короткополой одежды, заимствованные в русский язык вслед за реалиями лишь в конце XVII — начале XVIII в. (ср. исконные *душегрея, нагрудник, безрукавка*, заимствованные *кошуля, кошуза, курта, куртка, куртишка, курдя, бострог, кунтуш*). По ряду мотивировочных признаков названия одежды обособляются от названий утвари («действие, которое производится с помощью одежды по отношению к определенной части тела», «цвет», «характерная деталь одежды»). В свою очередь при номинации предметов утвари заметное место занимают признаки: «особенности технологии изготовления предмета», «объем», «форма». Общее и довольно распространенное мотивировочное свойство у слов этих тематических сфер — «материал».

Остановимся более подробно на характеристике родовых и видовых наименований. Большое развитие в отмеченных лексических группах получили слова с видовыми значениями, в отдельных случаях даже родовые названия обозначают конкретный вид одежды, посуды и т. д. Наблюдается специфика в способах пополнения родовых наименований в зависимости от жанрово-стилевой сферы употребления: в деловой письменности — составные наименования позднего происхождения, в книжной речи — слова, утрачивающие денотативную опору в предмете в связи с выходом его из бытового употребления и выражающие в условно-обобщенном виде идею «одежда», «посуда», «постройка»⁹. Иногда на первом этапе формирования однословного родового наименования оно функционирует как собирательное существительное, ср. *посудье* — около 1571 г., *посуда* — с 1599 г.: воду новую так отвѣдаешь, будет здоровая или нездо-

⁷ См. подробнее в нашей работе [20].

⁸ Некоторые из этих показателей предлагались ранее для семантико-типологических исследований [21], но экспериментальной проверки пока не прошли.

⁹ Ср.: «для церковно-книжной письменности были характерны отказ от конкретной лексики и широкое использование слов, обозначающих родовые понятия» [23].

Лексические группы	мотивир.	родовые	Мотивировочные признаки в %
	немотивир.	видовые	
Общие названия одежды	55/45	40,60	действие — 57 материал — 18 кусок ткани — 16 цвет — 9
Общие названия посуды	90,10	91,9	технология — 90 материал 10
Названия длинной одежды	80,20	18,82	материал — 54 действие — 36 технология — 10
Названия короткой одежды	37,53	0,100	действие — 34 часть тела; деталь — по 38
Названия меховой одежды	61,39	5,95	действие — 46 материал; функция — по 18; цвет; деталь — по 9
Названия рабочей одежды	68,32	12/82	материал — 60 цвет; технология — по 20
Названия столовой посуды	75/25	0/100	содержимое — 54 действие; форма — по 18; посуда; деталь — 7 объем — 3
Названия кухонной посуды	66/34	0,100	действие, функция — 60; содержимое — 16 объем; форма — по 8 технология и пр. — 8

ровая, покропи его посуде какое оловяное или медное (Назиратель, 179); и посуда де всякая его Первушина была на том его дворе (Руск.-кавк., 326. 1599 г., чел.). Особенно активно слово *посуде* употреблялось в первой половине XVII в., выступая как синоним к слову *суды*: платье и запасы всякие, и деньги, и посуде, и скот всякой... всем завладела та своха наша Анна; ... у снохи своей Анны прошали платья и кузни, и судов всяких (Семевский, 63. 1627 г., чел.) Лексема *посуда* до середины XVII в. употребляется редко, активизация этого наименования начинается с 50-х гг. XVII в., оно вытесняет слово *посуде* и заметно ограничивает использование формы *суды* (от *судно*).

Обращает на себя внимание относительная недостаточность числа родовых слов, а также их слишком общая, недифференцированная семантика. Например, в древнерусский период названия головных уборов определенно входят в одну группу с названиями одежды, лингвистическое размежевание слов по более мелким группам отставало от уже осознаваемого распределения разных типов одежды, поэтому родовых слов *одежда*, *платье* и пр. было вполне достаточно для обозначения одежды, головных уборов, передников и т. д. Выделение названий головных уборов в особое лексическое объединение намечается в старорусский период, здесь функция родового слова на некоторое время было вынуждено взять на себя слово *шапка*, но уже в XVIII в. появляется составное наименование *головной убор*¹⁰. Так же обстоит дело в лексике посуды и названиях бытовых вме-

¹⁰ По мнению Г. Н. Лукиной, развитие родовых слов в отдельных группах названий одежды могло задерживаться из-за отсутствия соответствующих глаголов, от которых они образовывались [24]. Однако глагол — не единственная база образования общих названий. Первопричиной наличия или отсутствия родовых слов, на наш взгляд, является степень развития дифференцирующей способности лингвистического сознания у этноса, пользующегося данным языком.

стилиц. Здесь в древнерусский период было лишь одно родовое наименование *судъ*, с конца XVI в. появляется *посуда*; в древнерусский период начинают формироваться родовые названия для отдельных групп посуды по материалу: *скляница*, *плетеница* и др., общие названия посуды с учетом функции (столовая, поваренная, кухонная) формируются в национальный период, а в ряде недостаточно отграниченных лексических групп по причине многофункциональности реалий не оформились и в настоящее время.

Семантические особенности предметно-бытовой лексики определяют такую особенность ее употребления в речи, как избыточность лексических средств за счет одновременного употребления родового или одного-двух видовых слов или двух видовых одновременно: *рукавицы дубленицы, коши кленовик, рукавицы верхницы вязаницы*. Причиной такого употребления является стремление к всестороннему и точному обозначению-характеристике реалии в целях более эффективного общения. Используемые при этом названия имеют яркую, образную форму, подчеркивающую один признак реалии и затемняющую все остальные ее свойства, поэтому появляется необходимость в дополнительных наименованиях, с других сторон характеризующих предмет.

Сравнение способности разных групп лексики к номенклатурномудроблению показывает заметную распространенность этой черты у конкретных названий по сравнению с родовыми, ср. названия разновидностей шуб: *обеляк, обевальница, гусарка, солдатка*, названия котлов: *тройчаток, кашник, квасник, медник, коноб* и др., известные по русским текстам XVI—XVII вв. Еще богаче эти группы в разговорной речи и диалектах национального периода.

Сравнение степени и областей синонимического варьирования обнаруживает значительную развитость синоними родовых названий, особенно в тематической группе «одежда», причем преимущественно в сфере книжной письменности, см. подробнее в работе [25], вместе с тем это свидетельствует о сильной контекстной обусловленности семантики родовых названий предметно-бытового характера.

Представляется перспективным сравнительно-сопоставительное изучение разных групп предметно-бытовой лексики и по таким критериям, как модели семантической деривации или типы полисемии, уровень диффузности семантики слов и т. п. Актуальность предметно-бытовой лексики в повседневном речевом общении требует активной работы по ее исследованию с использованием традиционных и новых методов.

ИСТОЧНИКИ

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1978—1980.
- Карт. ДРС — Картоoteca Древнерусского словаря (Словаря русского языка XI—XVII вв.).
- Кв. расх. Никона — Расходная книга митрополита новгородского Никона во время его поездки в Москву и в Соловецкий монастырь в 1652 г. — Временник об-ва истории и древностей российских, 1852, кв. XIII, разд. II, с. 1—62.
- МАС² — Словарь русского языка в четырех томах, 2-е изд., испр. и доп. Т. 1—4, М., 1981—1984.
- Назиратель — Назиратель. Изд. подгот. Голышенко В. С., Бахтурнина Р. В., Филиппова И. С. Под ред. Коткова С. И. М., 1973.
- Разг. Т. Фенне — *Tönlies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607*. V. 2. Copenhagen, 1970.
- РИБ VIII — Русская историческая библиотека. Т. VIII. СПб., 1884.
- Рус.-бел. связи — Русско-белорусские связи во второй половине XVII в.: Сб. документов. Минск, 1972.
- Рус.-кавк. — *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1 (1578—1613). М., 1889.
- Семевский — *Семевский М. И.* Историко-юридические акты XVI—XVII вв. СПб., 1892.
- СРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—10. М., 1975—1983.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. М., 1958.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—20. М. — Л., 1965—1984.
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка. Под ред. Шанского Н. М. Вып. 1—8. М., 1963—1982.

1. *Этерлей Е. Н.* Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре.— В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976, с. 16.
2. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Тр. МИФЛИ, 1939, т. V.
3. *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки. Л., 1964, с. 205.
4. *Сороколетов Ф. П.* Лексическое значение и словарная дефиниция.— В кн.: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980.
5. Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 174, 184—185, 202.
6. *Ларин Б. А.* Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). М.— Л., 1936.
7. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, с. 39.
8. *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семантики. М., 1973, с. 202.
9. *Сороколетов Ф. П.*— ВЯ, 1977, № 2, с. 157.— Ред. на кн.: *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
10. *Толстые Н. И. и С. М.* Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей.— В кн.: Славянское языковедение. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г.: Доклады советской делегации. М., 1983.
11. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (На материале русского языка). М., 1973.
12. *Кочин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (Свод археологических источников СССР.— Е—155).
13. *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 168.
14. *Козоткова Т. С.* Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979, с. 19.
15. *Львов У.* Структура денотативных значений.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983.
16. *Шмелев Д. Н.* Способы номинации в современном русском языке.— Общественные науки, 1984, № 2.
17. Исторический памятник русского арктического мореплавателя XVII века (археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Спенса). М., 1951, с. 169.
18. *Судаков Г. В.* В чем носили деньги древние русичи? — Русская речь, 1984, № 2.
19. *Судаков Г. В.* Названия предметов домашней утвари в русском языке XVI—XVII вв.— В кн.: Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984.
20. *Судаков Г. В.* Лексические диалектизмы в севернорусских актах XVI—XVII вв. (названия рукавиц).— В кн.: Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984.
21. *Филлмор Ч. Дж.* Об организации семантической информации в словаре.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983.
22. *Судаков Г. В.* Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). М., 1983.
23. *Иссерлих Е. М.* Конкретная и абстрактная лексика в литературном языке XVII в.— В кн.: Начальный этап формирования национального языка (На материале русского языка): Тезисы докладов. Л., 1960, с. 5.
24. *Лукина Г. Н.* О некоторых признаках лексико-семантических групп древнерусской лексики.— В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21—26 мая 1984 г.: Тезисы докладов. М., 1984, с. 76.
25. *Судаков Г. В.* Синонимы в литературно-художественных текстах XVII в.— В кн.: Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. Вологда, 1983.